Как и говорила Мишель, вера — штука поразительная. Те, кто верит, относятся к Господу с безграничным доверием и благоговением, но стоит этой нити порваться, как на смену почитанию приходит ярое отторжение. Впрочем, большинство людей всё же придерживаются нейтралитета, и Мишель была из их числа.

Мужчина всё так же стоял на коленях, низко опустив голову. Единственным, что выделялось в этой безмолвной картине, было расплывшееся перед ним на земле мокрое пятно.

Ли Сычэню вдруг подумалось, что этот человек в глубине души всё ещё верит. Просто удар судьбы оказался настолько сокрушительным, что вера исказилась, превратившись в болезненное непринятие. Смерть близких лишила его надежды на будущее, заставив возненавидеть и мир, и самого себя.

— Дядя… — негромко позвал Сычэнь, присаживаясь рядом на корточки.

Услышав голос мальчика, мужчина поднял голову. Он всё ещё лихорадочно блестел глазами от слёз. Увидев Сычэня, он немного удивился, но заговорил уже не так резко, как раньше:

— А, это ты… Я же сказал, мне не нужны ни жалость, ни сострадание. Оставь меня, пусть всё идёт прахом. Может, если я сдохну, то наконец увижу свою семью.

— Но ведь говорят, что это испытание, которое ниспослал вам Бог?

До этого момента все познания Сычэня о религии ограничивались обрывками информации из сети, но то, что он только что увидел в церкви, заставило его сердце дрогнуть. Если бы сейчас ему пришлось выбирать между верой и неверием, он, пожалуй, склонился бы к первому.

— Испытание… — Мужчина горько усмехнулся. — Будь оно проклято. Мне не нужны такие испытания, и даром не нужна слава, что сулят после них. Мой ребёнок… — Он протянул вперёд пустые ладони, словно баюкая что-то невидимое, и слабо улыбнулся. — Он тогда был ещё в утробе матери, но я уже чувствовал его. Крохотный, тихий… А потом всё исчезло. В один миг я лишился всего, что у меня было.

— И поэтому вы больше не верите в Него? — продолжал спрашивать Сычэнь.

— А за что мне Его благодарить? — В голосе мужчины зазвучал сарказм. — Он ни разу не явился мне, когда я был в отчаянии. Всё это ложь. И Бог, и вера — сплошной обман. Смерть… когда же наконец придёт и мой черед?

С этими словами он внезапно откинулся назад и тяжело повалился на землю.

Сычэнь вздрогнул и отпрянул на несколько шагов, но мужчина, упав, больше не шевелился.

Мальчик закусил губу, оглянулся на Мишель, а когда снова повернулся к пьянице, в его взгляде читалась твёрдая решимость. Он подошёл вплотную.

— Раз вы больше не верите, зачем тогда продолжать это самоистязание? Почему бы не доказать Ему, что вы можете жить счастливо и без Его помощи?

Мужчина резко открыл глаза. Его взгляд, прежде мутный и нетрезвый, стал непривычно ясным.

— Ты же только что вышел оттуда, — он кивнул в сторону собора. — И ты тоже не веришь?

Сычэнь качнул головой.

— Я в церкви впервые и сам ещё не разобрался. Но я точно знаю одно: веришь ты или нет, главное — не опускать руки. Только так можно обрести счастье. Я сам через это прошёл.

— Не опускать руки, значит… — Мужчина растерянно улыбнулся. — Надо же, маленький ребёнок вздумал меня учить. Ты ведь совсем дитя, откуда тебе знать, что такое истинное горе? Тебя мать научила этим мудростям? Передай ей моё почтение, но я уже сдался. В этом мире меня больше ничего не держит.

Первое впечатление часто обманчиво: сейчас Ли Сычэнь выглядел как ребёнок, не знающий забот, поэтому мужчина решил, что мальчик просто пересказывает чужие слова, вложенные ему в уши Мишель.

— Дядя, я, может, и не всё понимаю в страданиях, — серьёзно ответил Сычэнь. — Но у вас родные погибли, а мои хоть и живы, но это почти ничего не меняет. С самого детства я рос в одиночестве, запертый в маленькой деревянной хижине. Я думал, что проведу там всю жизнь и никогда не увижу солнца. Но теперь я здесь, и я счастлив.

— Совсем один? Взаперти? И никто с тобой не играл? — Мужчину явно зацепил этот бесхитростный рассказ.

Сычэнь, однако, не спешил подтверждать его догадки:

— Почему же, не совсем. Позже ко мне стала приходить тётушка Чжан. Стоило ей освободиться, как она бежала ко мне, рассказывала сказки… Я всё-всё запомнил. У неё был очень добрый голос.

— Нет, я про твоих родителей. — Мужчина посмотрел на Сычэня, затем перевёл взгляд на стоящую поодаль Мишель.

Он почувствовал неладное: они совсем не были похожи, к тому же Сычэнь явно был восточного происхождения.

— Родители? Тётушка Чжан говорила, что мама умерла, когда я был совсем маленьким. Ещё у меня есть отец. И мачеха — она очень злая, я её терпеть не могу. Но теперь всё иначе. У меня есть мама, она любит меня и заботится обо мне.

При упоминании о Мишель Сычэнь искренне улыбнулся. Он всегда был тем, кому для счастья нужно совсем немного.

— Значит, она твоя приёмная мать? — Мужчина приподнялся.

Если бы раньше ему сказали, что его до глубины души тронет история какого-то мальчишки, он бы только рассмеялся. Но сейчас это случилось: тринадцатилетний подросток оказался мудрее и сильнее духом, чем он, взрослый человек.

— Да. Но для меня она единственная и настоящая. Так что, дядя, вы тоже не должны сдаваться, слышите? — Ли Сычэнь улыбнулся, видя, что собеседник наконец пришёл в себя.

— Карлос, ты скоро? Пора ехать, — позвала Мишель. — Тебе ещё нужно закончить уроки.

Хотя она сама позволила Сычэню подойти к незнакомцу, все эти пятнадцать минут её сердце было не на месте. Она не слышала, о чём они говорят, а пьяные люди бывают непредсказуемы. Заметив, что мужчина сел и выглядит спокойным, Мишель с облегчением вздохнула.

— Иду, мам! — отозвался Сычэнь и снова повернулся к мужчине. — Дядя, несчастных людей в мире очень много. Некоторым приходится куда хуже, чем вам, но они продолжают бороться. Не сдавайтесь и вы. Раз не верите в Бога, наберитесь смелости и покажите Ему, чего вы стоите. Смерть — это конец, после неё не остаётся ничего.

Сказав это, он поспешил к Мишель, взял её за руку и виновато улыбнулся.

Ещё долго после их ухода мужчина продолжал сидеть на земле. Смеркалось. Холодный свет луны, взошедшей над городом, пронзил верхушку соборного креста, и на землю легла длинная, чёткая тень в форме распятия.

Он посмотрел на эту тень и внезапно усмехнулся.

— А ведь малец прав, — прошептал он. — Раз уж я в Тебя не верю, то просто обязан доказать: я справлюсь и без Твоей милости. И настанет день, когда я предстану перед Тобой счастливым человеком.

***

В машине Мишель, не выдержав, спросила:

— Карлос, признавайся, что ты наговорил тому дяде? Похоже, твои слова на него подействовали.

— Т-сс, — Сычэнь приложил палец к губам с самым серьёзным видом. — Мама, это секрет. Я тебе ничего не скажу.

Он лукаво подмигнул ей.

— Ох, — Мишель картинно вздохнула. — Мой Карлос вырос. У него уже появились тайны от матери. Какая я несчастная…

Сычэнь тут же заволновался:

— Мам, ну ты чего…

— Ха-ха! — Мишель весело рассмеялась и ласково взъерошила ему волосы. — Да шучу я. Раз не хочешь говорить — не надо, я не стану давить. У каждого мальчика должны быть свои секреты. Главное, не забудь рассказать мне, когда заведёшь подружку.

— Подружку?.. — Сычэнь мгновенно залился краской. — Рано ещё об этом думать, мам.

Лишённый нормального школьного детства, он никогда не помышлял о чувствах, хотя твёрдо знал одно: в будущем он свяжет жизнь только с одним-единственным человеком.

— Вовсе не рано, тебе уже тринадцать, — Мишель, забавляясь его смущением, и не думала менять тему. — В тринадцать у нормальных парней уже вовсю кипит личная жизнь. Почему бы и тебе не попробовать?

Стоит признать, что в вопросах воспитания между Китаем и Америкой пролегает пропасть. В Китае за школьный роман тринадцатилетнего ученика — шестиклассника или семиклассника — ждал бы строгий выговор от учителей. В Америке же Мишель сама подняла этот вопрос.

— Мама! — Сычэнь стал пунцовым. — Я об этом даже не думал. Тринадцать лет — это же совсем мало. Никаких подружек!

— Надо же, какой ты скромник, — хмыкнула Мишель. — Хорошо, что ты мальчик. Будь ты девочкой, мне пришлось бы глаз с тебя не спускать, чтобы не украли. Хотя… из тебя и

девчонка вышла бы чудесная.

Разговор окончательно свернул не туда. Сычэнь, собрав всю свою волю, выпалил:

— Мам, если ты не прекратишь, я перестану с тобой разговаривать!

— Ладно-ладно, молчу. Но помни: с такой застенчивостью тебе будет трудно. Девушки любят инициативных парней. Твой отец, помнится, шёл в атаку напролом, когда за мной ухаживал.

— Мама… — Сычэнь мог лишь беспомощно вздыхать.

— Всё, на этот раз точно молчу, — засмеялась Мишель.

Она и представить не могла, что в далёком будущем её предсказание сбудется: Карлоса действительно «украдут». И сделает это не какая-нибудь бойкая девчонка, а мужчина.

http://bllate.org/book/17536/1706448